

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

А.Ю. Тимофеев*

ДИПЛОМАТИЯ ПО-РУССКИ, ДИПЛОМАТИЯ ПО-СЕРБСКИ... ПЕРВЫЕ ПРЕДСТАВИТЕЛИ СССР В БЕЛГРАДЕ, ПЕРВЫЕ ПРЕДСТАВИТЕЛИ ЮГОСЛАВИИ В МОСКВЕ

СССР и Королевство Югославии от возникновения этих государств после окончания Первой мировой войны не имели взаимных дипломатических связей вплоть до 1940 г. Угроза нападения Гитлера и выход из войны Франции вынудили Белград смягчить свой антикоммунистический курс, и в 1940 году были установлены дипломатические отношения. Сравнение биографий и дипломатической деятельности работников полпредства в Белграде и посольства в Москве представляет собой попытку изучить субъективный фактор в формировании взаимных стереотипов, повлиявший на дальнейшие контакты между руководством СССР и правящими элитами Королевства Югославии.

Ключевые слова: югославянские народы, представители СССР в Белграде, представители Югославии в Москве, королевство СХС, В.А. Плотников, М. Гаврилович

Югославянские народы имеют богатую традицию исторических связей и достаточно тесных (с учетом географической удаленности) контактов с российским государством. При этом страны, центрами которых являются Белград и Москва, на протяжении прошедшего столетия, как правило, находились в напряженных взаимоотношениях. Этому, в первую очередь, способствовала полная разновекторность политического развития двух государств, что наиболее ярко проявилось в период между двумя мировыми войнами. Лишь под влиянием внешнеполитических факторов Белграду и Москве удавалось преодолевать политический антагонизм. Но и в такие моменты эти два государства разделяли дипломатические традиции небольшой нарочито эгалитарной аграрной «балканской демократии» и многовековой бюрократической империи, холодно безразличной к судьбе отдельного своего подданого¹. Примером столь различных подходов к дипломатии может послужить сравнение руководящих лиц полпредства СССР и посольства Королевства Югославии в сравнительно кратком, но драматичном периоде накануне немецкого нашествия 1941 года.

Хотя первые официальные посланники Москвы стали действовать в Югославии лишь со второй половины 1940 года, еще до начала Второй мировой войны в полицию Сербии² поступили сообщения о прибытии в Королевство первых эмиссаров далекого советского государства – нелегально заброшенных на территорию Сербии агентах ОГПУ³. Интересно, что еще в 1938 году президент Чехословакии Эдуард Бенеш через резидента НКВД в Праге Зубова попросил Сталина, чтобы Советский Союз субсидировал переворот, направленный против правительства Милана Стоядиновича в Югославии, чтобы установить там проанглийский военный режим и таким образом ослабить немецкое давление на Чехословакию. Бенеш запросил сумму в двести тысяч долларов наличными для сербских офицеров, которые должны были устроить переворот. Получив эту сумму из Центра, резидент НКВД в Чехии Зубов выехал в Белград, чтобы на месте ознакомиться с положением. Когда он убедился, что офицеры, о которых шла речь, были всего лишь «кучкой ненадежных авантюристов», и ни на какой успешный заговор рассчитывать не приходилось, он был потрясен и отказался выплатить им аванс. Вернувшись в Прагу с деньгами, он доложил в Центр о сложившейся ситуации. Сталин пришел в ярость: Зубов посмел не выполнить приказ. На

* Тимофеев Алексей Юрьевич, кандидат исторических наук, научный сотрудник Института новейшей истории Сербии (г. Белград).

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

зубовской телеграмме с объяснением его действий Сталин собственноручно написал: «Арестовать немедленно»⁴.

Впрочем, для прикрытия своих агентов советские спецслужбы куда чаще пользовались статусом белоэмигрантов. Так, например, уже с начала тридцатых годов на территории Югославии действовала агентурная группа Леонида Леонидовича Линицкого⁵. Л.Л. Линицкий, прибывший в Югославию с волной белоэмиграции в начале двадцатых, получил льготную возможность учиться в Белградском университете как представитель русской эмиграции, пользовавшейся особой помощью и поддержкой Королевства СХС и лично короля Александра Карагеоргиевича. По окончании Белградского университета в 1931 году начал сотрудничество с ИНО ОГПУ. Обстоятельства, при которых это сотрудничество было начато, описаны в опубликованных материалах достаточно противоречиво. С одной стороны, Линицкий, согласно «Очеркам истории внешней разведки», имел опыт сотрудничества с разведотделом 13-й армии⁶. С другой стороны, в СССР в Киеве проживала мать Л. Линицкого, супруга офицера императорской армии ротмистра Л. Линицкого – отца будущего разведчика. В тридцатые годы мать Л. Линицкого была уволена с работы и осталась без средств к существованию. По данным того же сборника, Линицкому было обещано позаботиться об его матери, но ОГПУ это обещание выполнять не спешило. Как бы то ни было, задачи, поставленные перед Линицким и образовавшейся вокруг него группой, сводились в первую очередь к разведывательно-диверсионной деятельности против русской эмиграции в Югославии, в высшие круги которой благодаря своему врачебному искусству и сумел инфильтрироваться Линицкий. В конце концов его группа была раскрыта, арестована и частично выслана из Югославии в 1935—1937 гг., причем приговоры были исключительно мягкими благодаря тому, что не удалось доказать существование антигосударственной направленности в деятельности Линицкого. Интересно, что в 1941 году родной брат любовницы Леонида Линицкого Н.Г. Дараган пытался организовать подпольную группу и был арестован гестапо⁷.

Потенциальные объекты для вербовки представители советских спецслужб находили не только среди истосковавшихся по Родине и испытывавших определенные материальные затруднения белоэмигрантов, но и среди местного населения, в особенности среди добровольцев, прошедших горнило гражданской войны в Испании, где советские инструкторы занимались обучением опытных диверсантов⁸. Один из таких югославских бойцов интербригад Д. Милоевич был арестован гестапо и дал, перед тем как был расстрелян, подробное описание вербовки и всей деятельности небольшой группы агентов ГПУ, руководимой Ч. Поповичем и Р. Уваличем⁹. Необходимо отметить, что и деятельность, о которой сообщил Милоевич в кабинете немецкого следователя, не носила антигосударственного характера, основным направлением работы его группы была подготовка к противодействию возможной немецко-итальянской оккупации.

В течение полугода перед началом Великой Отечественной войны активность советских государственных учреждений в Королевстве Югославии была особенно интенсивной. Дипломатические отношения на уровне миссий были установлены 24 июня 1940 г. и официально прерваны со стороны СССР 8 мая 1941 г., однако реальная деятельность Полномочного представительства СССР в Югославии длилась куда меньше.

Полномочным представителем СССР в Королевстве Югославии был Виктор Андреевич Плотников, советником – Виктор Захарович Лебедев, военным атташе – Александр Георгиевич Самохин, помощником атташе – Петр Михайлович Коваленко. Интересны судьбы этих людей, ставших на короткое время олицетворением советского государства на сербской земле.

Александр Георгиевич Самохин родился на хуторе Верхне-Бузиловка Области Войска Донского 20 августа 1902 года. В годы Гражданской войны Александр Георгиевич всей душой был на стороне красных и уже 4 мая 1919 года вступил в РККА, активно поучаствовав в боевых действиях на Восточном фронте. Способный и выдержанный паренек решил сделать своей судьбой военную карьеру: с 1923 по 1931 год он был командиром батальона, в 1920 году вступил в РКП(б). Александр Георгиевич неуклонно стремился совершенствовать свой образовательный уровень: в 1921 году окончил Пензенские пулеметные командные курсы, а в 1923 году – Киевскую объединенную военную школу имени Л.Б. Каменева (по другим данным – Казанскую

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

высшую военную школу им. Л.Б. Каменева), с мая 1931 по май 1934 года учился на основном факультете Военной Академии имени М.В. Фрунзе. По окончании Военной Академии, Самохин перешел на штабную работу – стал сначала начальником оперативного отделения Штаба стрелковой дивизии, а потом и начальником Штаба стрелковой дивизии. Высокообразованный офицер привлек внимание начальства, и после этого жизненный путь Самохина внезапно изменился – в 1937 году он был переведен со штабной работы и назначен начальником Орджоникидзевского пехотного училища, а в 1939 – заместителем начальника Главного управления военно-учебных заведений РККА.

В августе 1940 года Александр Георгиевич был повышен до своего следующего звания – генерал-майора и назначен военным атташе при Полномочном представительстве СССР в Югославии. Для создания целостного образа необходимо очертить судьбу генерала и после возвращения из Югославии весной 1941 года.

Практически сразу же Самохину доверили не менее ответственное и политически щекотливое задание – он был назначен командиром 29-го Литовского стрелкового корпуса (Прибалтийский особый военный округ – Северо-Западный фронт), не только находившегося на острие предполагаемого удара, но и имевшего исключительно сложный район действий и этнический состав. В сентябре 1941 года генерал-майор Самохин был назначен заместителем командующего 16-й армией Западного фронта по тылу, а это, учитывая интенсивность продвижения немецких войск на восток, в то время была вовсе не тыловая должность, которая предполагала не только сложный комплекс мероприятий по обеспечению войск всем необходимым в экстремальных условиях экстренного отступления, но и ряд вполне понятных сопутствующих действий, связанных с активным действием немецких диверсантов и их пособников. В декабре Самохина снова повышают и назначают начальником II-го отдела III-го управления Генерального Штаба, а вскоре и начальником II-го управления (информационного) Главного разведывательного управления Генерального Штаба РККА¹⁰. Страна переживала тяжелые дни, и армии были необходимы способные и грамотные офицеры, поэтому Самохина назначили командующим 48-й армией Брянского фронта.

Сразу же после назначения на новую должность 21 апреля 1942 года Александр Георгиевич вылетел в Елец, но летчик сбился с маршрута и перелетел линию фронта, где и был сбит над расположением немцев. Самохин был взят в плен, причем в руки немцев попали и важные секретные документы, имевшие большое значение: оперативная карта и директивы Ставки. Несмотря на столь печальные обстоятельства пленения, не внушавшие никакого оптимизма в случае возвращения на Родину, генерал-майор Самохин, в отличие от известного командующего 2-ударной Волховского фронта, отказался сотрудничать с немецкими вербовщиками, сколачивавшими РОА¹¹. В начале мая 1945 года Самохин вместе с рядом других содержавшихся вместе с ним пленных советских военачальников был освобожден американскими войсками, эвакуировавшими видных пленников во Францию. Оттуда 26 мая 1945 года Самохина вместе с товарищами по плену вывезли в Москву.

В ходе расследования были выявлены перелет на сторону врага и утеря важных документов, что имело однозначное толкование в то радикальное время, и поэтому 21 октября 1945 года Александр Георгиевич был арестован и осужден к 25-ти годам лишения свободы. Вскоре после смерти Сталина 15 августа 1953 года Самохин был реабилитирован и освобожден. Вышедший на свободу Александр Георгиевич сразу же решил... продолжить образование, и в 1953/1954 году стал слушателем Высших академических курсов при Военной Академии Генерального Штаба. Однако военная карьера генерала оказалась законченной, несмотря на отмену приговора. В 1954 году генерал-майор Самохин получил утешительный орден Ленина, был уволен в запас и получил место старшего преподавателя общевойсковой подготовки военной кафедры МГУ. Сильные переживания нестарого и полного сил генерала тяжело отразились на его здоровье. 17 июля 1955 года Александр Георгиевич скончался¹².

Не менее драматичной была и судьба самого полпреда Виктора Андреевича Плотникова¹³. Виктор Андреевич родился 26 октября 1898 года в городе Астрахани. Вскоре отец умер, и мать Виктора Андреевича решила переехать в Москву, к чему у нее имелось несколько причин – она была модисткой, и в Москве найти работу было легче, малярийный климат тогдашней Астрахани не способствовал здоровью маленького

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

Вити. В 1917 году в Москве Виктор Плотников окончил гимназию и поступил в Московский коммерческий институт. Но 1917 год в России выдался удобным для всего, но только не для учебы, да еще в Коммерческом институте. Воздух был пропитан революцией, все друзья молодого Виктора из студенческой и рабочей среды тянулись к революции и по рекомендации Председателя Казачьего Отдела ВЦИК Л.А. Коробова Плотников вступил в Агитотряд «Защита прав трудового казачества крестьян и рабочих», а в феврале 1918 года и в ВКП(б). В качестве члена агитотряда, действуя по заданиям Казачьего Комитета (позднее Казачьего отдела ВЦИК), Плотников занимался политработой в военных частях и казачьих областях в 1918—21 г. В 1921 г. был командирован ВЦИК в качестве Уполномоченного Сибревкома для организации и участия в полярной экспедиции на полуостров Ямал.

По возвращению из экспедиции Виктор Плотников поступил на экономический факультет Тимирязевской сельскохозяйственной академии. Закончив учебу в 1926 году, Виктор Андреевич работал до 1930 года в системе рыбацкой, а затем сельскохозяйственной кредитной кооперации в Москве, на Каспийском и Аральском морях, в Туркмении. После ликвидации оргцентров сельскохозяйственной кооперации Плотникова перевели на ответственную работу в Московскую контрольную комиссию Рабоче-крестьянской инспекции по линии сельского хозяйства области и назначили заместителем руководителя сельскохозяйственной группы МКК – РКИ.

Из РКИ Виктора Андреевича перевели в систему Народного Комиссариата Внешней Торговли. В 1932—1934 годах Плотников работал заведующий Отделом Второэкспорта в Персии. В 1935—1936 годах Плотников был заместителем директора по экспорту Урумчинской конторы «Совсиньторга» в Китае. Необходимо напомнить, что тогдашний Синьцзян был местом крайне непростым. С начала 1934 года на его территории находилась группа войск Красной Армии, усиленная танками, авиацией и артиллерией, прибывшая по просьбе китайского наместника провинции Шен-Ши-Цай для борьбы против дунганской (состоящей из местных китайцев-мусульман) армии братьев Ма, «ориентировавшихся на Японию и стремившихся создать в регионе великое дунганское государство Северо-Запада»¹⁴. Ситуация была столь сложной, что советские подразделения были «замаскированы» под белых, командиры Красной Армии носили погоны, а все звезды с обмундирования были удалены. Впоследствии лидер провинции Шен-Ши-Цай был принят в ВКП(б), а сам Синьцзян СССР был бы рад назвать Восточно-Туркестанской республикой, однако с началом Великой отечественной войны затея провалилась¹⁵.

В конце 1936 года Плотников возвращается в Москву. Однако после непродолжительного пребывания в Москве (первая половина 1937 года) на должности директора экспортной конторы Всесоюзного объединения «Международная книга», Виктор Андреевич вновь отбывает «за кордон» – решением ЦК ВКП(б) № 54/83 от 28/IX-37 Плотников в качестве Первого секретаря полпредства СССР направлен в Будапешт для исполнения обязанностей поверенного в делах СССР в Венгрии. Хортистская Венгрия предвоенного времени была для советских представителей исключительно сложной страной, приближавшейся по ориентирам своей внутренней и внешней политики к гитлеровской Германии, а во многом ее и обгонявшей. Например, именно в Венгрии был принят первый в XX веке антисемитский закон *Numerus clausus*, дополненный в 1938 и 1939 годах еще рядом законов, претворение в жизнь которых закончилось истреблением 600 000 из 800 000 венгерских евреев. В конце тридцатых годов Венгрия как верный союзник Германии поучаствовала в разделе Чехословакии и по результатам первого Венского арбитража аннексировала 15 марта 1939 года часть Словакии и Закарпатскую Украину (общая площадь 11927 км², население свыше 1 млн чел.).

В марте 1939 года Виктор Андреевич Плотников был переведен на другой, не менее напряженный участок работы, вызывавший пристальное внимание СССР: с марта по сентябрь 1939 года Плотников значился советником полпредства СССР в Финляндии. Он покинул Хельсинки незадолго до начала советско-финской войны, начавшейся, как известно, 30 ноября 1939 г.

Когда внешняя политика СССР по отношению к Финляндии была готова перейти в «горячую» фазу, Плотников отбыл в соседнюю Норвегию, которая в то время не была спокойным и богатым нейтральным государством, а кипела от политических страстей,

подогреваемых правыми. Норвегия стояла на грани войны с СССР, на ее территории находились вербовочные комитеты, она посылала добровольцев и помогала переброске оружия в соседнюю Финляндию. Тем не менее, до прямого конфликта дело так и не дошло: в марте 1940 года советско-финская война закончилась, а уже в апреле того же года гитлеровские войска, вторгшиеся в Норвегию, захватили ее столицу Осло. Поэтому 15 июня 1940 года в связи с оккупацией Норвегии немецкими войсками дипломатические отношения СССР с Норвегией были прекращены.

Согласно «Журналу записи лиц, принятых И.В. Сталиным», 19 июня 1940 года Виктора Андреевича Плотникова принял лично Сталин, разговаривавший перед этим с Молотовым, причем получасовой разговор Сталина с Плотниковым проходил в присутствии самого Молотова¹⁶. ТАСС 25 июня 1940 года сообщил «Об установлении дипломатических отношений между СССР и Югославией» («Известия» № 145 (7217) от 26 июня 1940 г.)¹⁷.

Директивная телеграмма Молотова Плотникову от 17 октября 1940 года дает возможность понять (или, по крайней мере, с большой долей уверенности предположить), какие указания давал Сталин своему полпреду, уезжавшему в Белград¹⁸. Эти директивы сводились к следующему: не вставать открыто на сторону сторонников итало-германской или англо-американской ориентации, поддерживать политическую и экономическую независимость Югославии (вплоть до продажи оружия на обычных коммерческих условиях), но в то же время полностью опровергать слухи о попытках СССР проводить по отношению к Югославии политику панславизма или советизации, избегать вмешательства в проводимые Германией политические и экономические мероприятия.

Эти устремления в целом соответствовали общей, с первого взгляда, двойственной¹⁹, но на самом деле исключительно целостной внешнеполитической программе СССР того времени: готовиться к неизбежной войне с Германией, стараясь максимально оттянуть момент нападения последней на Советский Союз, для чего, с одной стороны, постараться не допустить дополнительного внешнеполитического усиления Германии, а с другой стороны, не раздражать ее, проводя по отношению к ней политику дружественного нейтралитета.

Дальнейшие события в Югославии не позволили осуществиться надеждам СССР на сохранение нейтральности Югославии. Учитывая то, что все соседи Югославии (кроме Греции) уже присоединились к пакту Берлин-Рим-Токио, Югославия 25 марта 1941 года была вынуждена подписать пакт. Этот документ не только гарантировал ей «от германской стороны твердое заверение насчет сохранения нейтралитета»²⁰, но и отличался исключительной мягкостью²¹. При подписании Гитлер обратил внимание югославских представителей на близкие отношения между Москвой и Берлином²². Однако лидеры Великобритании, зная о том, что возможная военная «помощь со стороны Англии представлялась сомнительной и в лучшем случае – только символической»²³, организовали (или, по крайней мере, поддержали) с помощью представителей своих секретных служб военный путч в Югославии, сопровождавшийся массовыми беспорядками²⁴. «Когда всеобщее возбуждение улеглось, все жители Белграда поняли, что на них надвигаются катастрофа и смерть и что они вряд ли могут сделать что-нибудь, чтобы избежать своей участи»²⁵.

Трудно сказать, явился ли военный путч генералов-англофилов, сопровождаемый массовыми беспорядками, погромами и убийствами немцев, полной неожиданностью для СССР.

По крайней мере, местные коммунисты (в то время последовательные проводники всех идей Москвы, преданно колебавшиеся вслед за генеральной линией ВКП(б)) вспоминали об обратном, свидетельство тому – мемуары Светозара Вукмановича-Темпо и Милована Джиласа²⁶. По их сведениям, Сербский республиканский комитет КПЮ 27 марта 1941 года издал прокламацию, направленную против Великобритании, в которой, в частности, было заявлено, что лучшая гарантия против нападения немецких империалистов – подписание пакта о взаимопомощи с СССР. Тито 29 марта 1941 года осудил англофилов и провокаторов, участвовавших в сожжении немецкого флага и погроме Немецкого туристического бюро.

В 1941 году КПЮ не смогла осмелиться выдвинуть лозунг о советско-югославском договоре самостоятельно, без санкции свыше, поэтому понятно, что мнение

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

СССР было выражено еще до путча как ответ на возможное подписание пакта Югославии и Германии²⁷. В условиях возможного подписания Югославией пакта с Германией СССР очевидно стремился подписанием договора между СССР и Югославией выровнять международное положение и стабилизировать ситуацию. В случае нападения государств антикоминтерновского пакта на Югославию советско-югославский договор мог превратиться не в гарантию нейтральности Западных Балкан, а в объявление войны Германии.

Фактически, ситуация в чем-то напоминала вступление России в Первую мировую войну, в которую ее также втянули, используя очередную авантюру балканских политиков, раньше намеченного срока окончания модернизации армии. Однако руководство СССР продемонстрировало куда больше реализма (или, если угодно, политического цинизма), чем Николай II и его окружение.

СССР не дал раньше времени втянуть себя в войну, причем в войну, в которую СССР заведомо вступил бы как нарушитель договора с Германией, а также потенциальный источник «панславизма и коммунизма»²⁸. Кремль не подписал договора с обреченной Югославией, помочь которой после совершенной ее же собственными генералами смертельной ошибки уже, в любом случае, никто был не в силах: ни окопавшиеся в Греции англичане, спровоцировавшие путч, чтобы оттянуть часть немецких сил на борьбу с Югославией, ни далекий СССР, помощь из которого просто не успела бы поступить. Внес ли в эту оценку Сталиным югославской армии свою лепту генерал-майор Самохин? Кто знает?!.. Однако фактом остается то, что по возвращению в СССР Самохин продолжил свой карьерный рост, который прервала лишь случайная ошибка летчика, сломавшая Александру Георгиевичу жизнь.

А вот для Виктора Андреевича Плотникова последствия весны 1940 года оказались не столь радужны. По-видимому, оценки общественно-политической ситуации, которые Плотников передавал в Москву, а также его роль во влиянии на властные элиты Югославии, были оценены НКВД без особого энтузиазма. Югославия не смогла остаться нейтральной, в чем важную роль сыграли левые (но не коммунистические) партии Югославии²⁹, с которыми, судя по телеграмме Молотова, вел переговоры Плотников (Молотов в ответ рекомендовал ему придерживаться равновесия).

В любом случае, фактом остается то, что заместитель наркома иностранных дел В. Деканозов обратился 13 августа 1941 года к секретарю ЦК ВКП(б) с просьбой отозвать в распоряжение Центрального Комитета ВКП(б) «Плотникова Виктора Андреевича, использовать которого на работе в системе НКВД в настоящее время не представляется возможным». На документ была наложена лаконичная резолюция — «Тов. Плотников направлен работать в Наркомлес. 26.VIII.1941.»³⁰.

Это было концом блестящей карьеры Плотникова, успевшего в свои сорок с небольшим побывать на важных и ответственных участках внешнеполитической работы, послали в тихую гавань на место начальника сельскохозяйственного отдела в министерство Лесной промышленности. О том, что лес в словосочетании Наркомлес был настоящим, свидетельствуют и семейные воспоминания его сына Валерия, сообщившего автору статьи о том, что его мать Елена Орлова познакомилась с Виктором Андреевичем в 1949 году, будучи подчиненной Виктора Андреевича в одном из отделов в Министерстве лесной промышленности. В 1950 (1951?) году Виктор Андреевич Плотников заболел туберкулезом, от которого в 1958 году и умер.

Кроме фигуры полпреда и военного атташе, внимания заслуживают и люди, которые выполняли функцию их помощников. Помощником А.Г. Самохина работал Петр Михайлович Коваленко. Петр Михайлович родился 1 сентября 1913 года и был представителем первого поколения веселой и полной энтузиазма советской молодежи тридцатых годов. Коваленко родился в Саратовской области на территории компактного проживания немцев Поволжья (в нынешнем городе Энгельс). Поэтому, несмотря на то, что сам был русским, в совершенстве владел немецким языком. По окончании техникума в 22 года Петр Коваленко вступил в ряды РККА и окончил военное танковое училище, после чего в 1939—1940 годах участвовал в советско-финской войне, где проявил должное мужество и был награжден орденом Красной Звезды (1939).

Осенью 1940 года молодого офицера назначают на должность помощника военного атташе советского полпредства в Югославии. После начала бомбардировок Белграда гитлеровской авиацией 6 апреля 1941 года работники советского посольства на

караване автомашин попытались покинуть Белград. Коваленко находился за рулем машины советского военного атташе и проявил высокие навыки водительского мастерства и выдержки, ведя машину по крутым горным дорогам исключительно низкого качества³¹. В годы войны Петр Михайлович был награжден еще одним орденом Красной Звезды (1943).

В конце 1943 года майор Коваленко был включен в военную миссию СССР при Национальном комитете освобождения Югославии во главе с генерал-лейтенантом Н.В. Корнеевым и назначен помощником начальника военной миссии СССР. Весной 1944 года в связи с планировавшимся приближением армии СССР к границам Югославии, началось наступление партизанских частей из Боснии, Герцеговины, Далмации, Славонии и Черногории на Сербию, которая еще осенью 1941 года была очищена немцами и четниками от партизан и с тех пор удерживала свои границы, при участии Недичевской Сербской государственной стражи Милана Недича, Сербского добровольческого корпуса Димитрия Лютича, Югославской армии на Родине Драголюбa Михайловича и частей Русского охранного корпуса.

Для организации и помощи в планировании этого наступления на места были посланы офицеры штаба и советской военной миссии. Майор Коваленко был направлен в Черногорию, войсками которой командовал генерал Пеко Дапчевич. По территории, занятой противником, Коваленко прошел около 500 километров и благополучно прибыл в штаб 2-го Пролетарского корпуса. Вскоре этот корпус из Черногории стал пробиваться к югославо-румынской границе навстречу наступающей Советской Армии. Преодолевая реки, горы и сопротивление противника, части прошли на северо-восток более 400 километров. Коваленко не отсиживался в штабах, а участвовал в организации и проведении разведывательно-диверсионных операций в тылу противника, в том числе длительных одиночных рейдов. Особенно упорные бои, в которых П.М. Коваленко принимал непосредственное участие, велись при форсировании реки Ибар и за горы Копаоник. Вместе с бойцами партизанского генерала П. Дапчевича майор Коваленко вышел в назначенный район и принял участие в Белградской операции, проводившейся Красной Армией совместно с югославскими партизанами. За проявленное при выполнении особых заданий на территории Югославии мужество майор Коваленко 24 августа 1944 года получил звание Героя СССР, а также был награжден югославским орденом «Партизанская звезда» 1-й степени³². После войны Петр Михайлович закончил Военную бронетанковую академию, однако здоровье оказалось подорванным тяжелыми военными годами. В 1958 году в звании подполковника П.М. Коваленко уволился из рядов ВС СССР. Петр Михайлович умер в возрасте всего 47 лет 15 июня 1960 года в Москве.

Еще одной крайне интересной фигурой в составе советского полпредства был Виктор Захарович Лебедев, подробности жизни которого мы можем восстановить наименее отчетливо, но чья фигура вызывала наибольшее количество споров³³. Пристальное внимание на В.З. Лебедева впервые обратили немцы, спутавшие его с русским эмигрантом, Владимиром Александровичем Лебедевым, активным деятелем просоветской эмигрантской организации «Союз советских патриотов», врачом по профессии. Виктор Захарович Лебедев (1900—1968), в отличие от его вышеупомянутого однофамильца, занимался дипломатической работой. Он окончил Рязанский педагогический институт (1922) и Московский университет (1925). В 1929—40 гг., по официальным данным, он числился доцентом, заведующим кафедрой марксизма-ленинизма Всесоюзной академии пищевой промышленности имени И.В. Сталина. В 1940 году был переведен в Наркомат иностранных дел (НКВД) СССР и назначен советником полпредства в Югославии. На этой должности в марте 1941 года (после отъезда в Москву посла В.А. Плотникова) он известил МИД СССР о произошедшем военном путче, а затем попытался наладить контакты с генералом Душаном Симовичем. На оккупированных территориях бывшей Югославии витали слухи о том, что якобы именно он являлся настоящим руководителем коммунистического движения сопротивления в Югославии осенью 1941 года. Подобные теории на сегодняшний день невозможно доказать или опровергнуть. Существуют лишь официальные заявления СССР военного времени, которые не могут быть названы достаточно доказательными, согласно которым Виктор Захарович до 1943 года находился на аппаратной работе в НКВД непосредственно в Москве. Лишь с 30 ноября 1943 года Виктор Захарович вновь появляется

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

на виду, и его появление с тех пор можно документально подтвердить: Лебедев становится послом при находящихся в изгнании союзных правительствах Бельгии и Норвегии. С 5 января 1945 года – Виктор Захарович Лебедев стал советским послом в Польской республике, которую в то время встраивали в социалистический лагерь под руководством СССР. С весны 1951 года Виктор Захарович Лебедев занимал должность посланника, а потом и посла СССР в Финляндии. В 1958 г. Лебедев вернулся в Москву, и в течение пяти лет с 1960 до 1965 гг. руководил Высшей дипломатической школой Министерства иностранных дел СССР. В 1965 вышел в отставку, скончался в 1968 году³⁴. Хотя фигура В.З. Лебедева до 1943 года и окутана туманной дымкой тайны, не найдено неопровержимых доказательств, подтверждающих подозрения исследователей о двойном адресе работодателей Лебедева в Москве.

Остается открытым вопрос, какой руководящий сотрудник советского полпредства, писавший донесения на имя Начальника Разведупра Красной Армии, скрывался за псевдонимом «Софокл». Тот самый «Софокл», вращавшийся в деловых и дипломатических кругах, поддерживавший контакты с политическим бомондом югославского общества и опрометчиво написавший 4 апреля 1941 года: «Стоило только Югославии занять решительную позицию, как вместо традиционных немедленных действий, немцы седьмые сутки стоят в зверином рычании, а дивизий на границе не прибавляется»³⁵.

Неоспоримо, что двое из четырех ведущих чиновников советского полпредства в 1941 году, хотя бы на протяжении части своей жизни открыто были связаны с военной разведкой (Самохин позднее занимал должность начальника II-го управления (информационного) ГРУ ГШ РККА, а Коваленко активно участвовал в разработке, организации и проведении разведывательно-диверсионных операций в тылу противника в 1944 году в рядах частей П. Дапчевича). Служба Плотникова в различных горячих точках 1930—40-х также выглядит подозрительно. Вызывает сомнения и окутанный тайной В. Лебедев...

О порядках, царивших за стенами советского посольства, ярко свидетельствует случай с выпускником Белградской русско-сербской гимназии Евгением Буйницким.

В начале 1941 года на улице в центре Белграда хорошо одетый человек попросил его на чистом русском языке помочь сделать покупку в магазине, сославшись на плохое знание сербского языка. Как потом выяснилось, это был сотрудник советского посольства, который завязал с ним разговор и пригласил прокатиться на машине. В то время машины еще не были банальным транспортным средством, а служили символом высокого социального статуса, техническим чудом, привлекавшим внимание молодежи. Женя сел в машину, позднее надолго задержался в гараже, рассматривая железное чудо техники. В дальнейшем Евгений Буйницкий использовался в качестве курьера для передачи русским эмигрантам и сербским офицерам неких запечатанных конвертов, которые сотрудники представительства желали переслать без привлечения внимания почты и прочих ненужных свидетелей. Женя заметил, что в здании представительства регулярно проводились тренировки по стрельбе из бесшумного револьвера (вероятно, стоявший на вооружении оперативных работников прибор братьев Митиных «БраМит» в модификации с револьвером Нагана, бывший в то время последним словом советской спецтехники³⁶) и странной борьбе (вероятно, т.н. «боевое самбо»³⁷), похожей на джиу-джицу (предшественника дзюдо). Буйницкий сообщил и о том, что посольство имело детальную картотеку русских организаций, действовавших в Югославии, и даже поименный список русских эмигрантов. Эту информацию гестапо подтвердило и по сообщениям еще нескольких осведомителей³⁸.

Галерея представителей СССР в предвоенной Югославии объединена общими чертами отдельных лиц: преданность партийной линии и максимальное стремление к тому, чтобы как можно вернее и точнее выполнить пожелания и приказания государственного и партийного руководства и лично кремлевского самодержца. Самоотверженный труд по выполнению поставленных руководством задач подразумевался сам по себе, не вел к каким-то особым наградам и давал лишь возможность дальнейшего карьерного роста (Лебедев, Коваленко). Минимальные ошибки и чрезмерная инициативность беспощадно наказывались (Плотников, Самохин). Интересно сравнить фигуры официальных представителей СССР с представителями Королевства Югославии, прибывшими в СССР в предгрозовое время накануне войны. В качестве примера мы

можем взять самого югославского посла – Милана Гавриловича.

На всем протяжении своей дипломатической карьеры Гаврилович оставался независимым политиком – личностью, которая сама принимает решения и стремится к тому, чтобы вести независимую игру. Милан Гаврилович был лидером Сербской аграрной («земледельческой») партии, занимавшей активную антинемецкую позицию и опиравшейся на мелких предпринимателей и крестьян из сербской части Югославии. Поскольку эта партия умело использовала традиционные антинемецкие настроения сербских народных масс, после начала Второй мировой войны ее руководство смогло получить определенные дотации английского правительства³⁹. Большая часть средств на нужды партии шла через руки партийного коллеги Гавриловича – Милоша Тупанянина. Согласно оценке одного из организаторов Управления специальных операций (британская разведывательно-диверсионная служба времен Второй мировой войны) Хью Дальтона, общие затраты короны до 27 марта 1941 г. составили свыше 100 000 фунтов стерлингов. При этом вряд ли можно говорить о банальном подкупе, т.к. не только аграрии, но и большинство тех из участников заговора 27 марта, кто припадал к английским финансовым источникам, были искренне уверены в том, что Югославия должна продолжать свою традицию ориентации на союзников по Первой мировой войне.

С другой стороны, аграрии как наиболее демократичная партия меньше всех среди югославского политического бомонда были вовлечены в антикоммунистическую и антисоветскую политику, бывшую мейнстримом официального Белграда в 1918—1939 годах. Поскольку коммунистическая партия Югославии была официально запрещена, аграрии были наиболее левой партией югославской официальной политики, поэтому именно им и удалось выдвинуть своего лидера на пост первого посла королевства Югославии в СССР. К слову сказать, умеренная левизна сербских аграриев, несмотря на все перепетии, сохранилась и в послевоенной Югославии, благодаря чему им было некоторое время позволено находиться в парламенте и правительстве послевоенной демократии для придания видимости многопартийности ширме «демократии»⁴⁰. Именно в этих условиях М. Гаврилович и был назначен первым представителем Королевства Югославии.

Собственное видение геополитических приоритетов Югославии Гаврилович ставил выше мнения королевского Министерства иностранных дел и правительства, которое направляло его в Москву. Показательный диалог состоялся между Гавриловичем и немецким послом в Югославии фон Херреном в июне 1940 г. накануне отбытия лидера аграриев к месту службы в СССР⁴¹. Важно отметить, что воспоминания об этой беседе оставил сам Гаврилович. Согласно этим воспоминаниям, Гаврилович в разговоре совершенно игнорировал то, что Югославия проводила курс нейтральности. Он позволил себе это в разговоре с представителем сильной и безжалостной страны, которая в то время уже показала свою военную мощь. И это несмотря на то, что нейтралитет для Югославии, не имевшей ни одного военного союзника и окруженной кольцом союзных Германии реваншистски настроенных соседних стран, значил очень много. В результате фон Херрен прямо заявил, что де югославский посол едет в Москву, чтобы постараться испортить германско-советские отношения. Это предположение Гаврилович тут же назвал «комплиментом», чем и подтвердил догадку немецкого дипломата. Более того, Гаврилович ясно дал понять, что оглашенная фон Херреном цель является для балканского политика приоритетной. Он храбро и решительно заявил: «Я люблю свою страну и жизнь бы отдал свою и своих детей за нее. Я буду защищать интересы своей страны до конца!»

Столь патетическое заявление следует дополнить некоторыми деталями. Прочитируем отрывок из недавно обнаруженных пространных мемуаров Бранко Лазаревича (1883—1963), выдающегося сербского интеллектуала, писателя и дипломата. «Состоялся путч. Радио вещает. Говорит король Петр II. Позднее оказалось, что король ничего не знает и что вместо него речь произнес молодой подпоручик. Вбежал в наш дом на улице Леди Колдри, 9-летний сын Милана Гавриловича и крикнул: “Кранты пакту!” (После этого он убежал из страны, и он, и вся его семья, и сегодня они в эмиграции)». А вот как Б. Лазаревич описывал дальнейшее развитие событий, имевших место еще до того, как Германия напала на Югославию. «..Начали наши самолеты летать над Белградом. Армия начала маршировать по улицам. Возбуждение до дели-

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

риума... Через два дня, я думаю числа тридцатого, состоялся в доме доктора Милана Гавриловича на улице Андры Николича длительный телефонный разговор с самим послом Гавриловичем... и сразу же после этого разговора вся его семья, вместе с семьей Тупанянина, выехала якобы в Боснию, а на самом деле через Болгарию в Стамбул»⁴².

Однако вернемся к приезду в Москву Милана Гавриловича. Сразу же после приезда он развил бурную дипломатическую деятельность, которая несколько не ограничивалась идеями и приказами его формального начальника – министра иностранных дел Сербии Александра Цинцар-Марковича, «скучного» карьерного дипломата (с самого начала трудовой деятельности с 1921 года). Отсутствие дипломатического стажа вовсе не смущало Милана Гавриловича, который пытался восполнить его богатым опытом балканского политика, готового к самым разнообразным «комбинациям». Уже в ходе первого официального визита в НКВД СССР Гаврилович постарался привлечь симпатии советских дипломатов любыми казавшимися ему уместными способами. Согласно воспоминаниям представителя советской стороны, Гаврилович «зашел так далеко, что настаивал на создании Балканского союза, руководствующегося славянофильскими идеями, в котором русский язык заменит различные славянские диалекты»⁴³. Крайне показательно, что Милан Гаврилович отказался публично произнести эти свои слова, или вообще что-либо произнести год спустя с трибуны Всеславянского митинга в Москве 10—11 августа 1941 г.⁴⁴

Сразу же после столь эмоционального выступления Гавриловича в июне 1940 г. советские дипломаты сообщили об этом «куда следует», и НКВД решил завербовать активного и самостоятельного дипломата. Но едва успели начальник 3 отдела ГУГБ (КРО) НКВД П.В. Федотов и замначальника 5 отдела ГУГБ (ИНО)⁴⁵ П.А. Судоплатов выполнить задуманное, как их постигло разочарование. М. Гаврилович вряд ли годился на роль проводника советского влияния в Белграде – уж слишком он часто посещал сэра Стаффорда Криппса – посла Великобритании в СССР. Эти контакты были связаны с продолжением партийной деятельности М. Гавриловича. Дабы не отрываться от событий в Белграде и оповещать своих партийных коллег о нюансах переговоров с СССР, Гаврилович слал на имя М. Тупанянина тайные сообщения, которые он ревниво скрывал даже от глаз своего министра иностранных дел. Чтобы соблюсти эту приватность, Гаврилович пользовался услугами своего британского коллеги, с чьей помощью сообщения Гавриловича, закодированные британскими дипломатическими шифрами, летели в Королевство Югославии⁴⁶. Не мудрено, что в НКВД его поспешили сразу же зачислить в британские шпионы.

Вскоре М. Гавриловичу удалось еще более запутать сотрудников НКВД и НКВД в нюансах своей многослойной лояльности. Осенью 1940 года югославский посол стал намекать советским дипломатам на то, что реальный адрес для переговоров представителям СССР стоит искать не в королевском правительстве, а в группе антинемецки настроенных офицеров королевского Генштаба, оппозиционных белградскому правительству⁴⁷. В результате уже в сентябре 1940 года в Париже были начаты эти переговоры, а прекращены они были лишь после того, как стало ясно, что, несмотря на всю риторику правительства и оппозиции, Югославия стремительно движется к пакту с Германией и ее союзниками.

И все-таки М. Гаврилович, представлявший свою все еще официально нейтральную страну, продолжил опасную акробатику над пропастью войны, в которую была готова сорваться Югославия. В то время как и Сталин, и Молотов поставили его в известность, что СССР не только не будет, но и не хочет самоинициативно вступать в войну, даже в случае ухудшения ситуации на Балканах, Гаврилович передавал в Белград эту внятную позицию в крайне своеобразной трактовке. Он слал Цинцар-Марковичу сообщения о том, что якобы СССР был готов вступить в войну, и что СССР «в любом случае против нейтральной Югославии»⁴⁸. В конце концов, Гаврилович сообщил официальному Белграду, что «...Вышинский открыто сказал, что [СССР – А.Т.] вступит в войну против Германии, если британцы откроют фронт на Балканах. Советские войска устремятся прямо на Болгарию и проливы»⁴⁹. Трудно поверить в такую откровенность поляка и бывшего меньшевика Андрея Януарьевича Вышинского, который несмотря на все эти «недостатки», смог пробиться на самый верх государства и при этом пережить самого Сталина. Трудно поверить в то, чтобы осторожный Вышинский заявил нечто, настолько отличное от курса Сталина на уклонение от конфликта с Гер-

манией. Еще труднее поверить в то, что эту откровенность Вышинский мог допустить по отношению к иностранному дипломату, да еще столь «многослойной лояльности», каким был Милан Гаврилович. Свободная интерпретация заявлений советских политиков привела к тому, что НКВД был вынужден перейти к достаточно необычным в дипломатической практике шагам. Советскому полпреду Плотникову пришлось выяснять в Белграде, насколько точно посол Югославии передает советские формальные и неформальные высказывания своему руководству в югославском МИД⁵⁰.

Верхом «самостоятельности» Гавриловича был известный диалог с югославским премьером Душаном Симовичем в ночь с 5 на 6 апреля 1941 года накануне немецкого нападения на Югославию. Тогда новое королевское правительство настаивало на подписании договора о сотрудничестве с СССР. Советское правительство, в свою очередь, не желало вносить в договор пункт о военной помощи, чтобы избежать втягивания в войну. Москва предлагала лишь договор о нейтралитете, который должен был в дипломатической форме показать Гитлеру, что нападение на Югославию будет рассматриваться как шаг, враждебный по отношению к СССР. Объективности ради стоит отметить, что в сложившейся стратегической ситуации (полное окружение Югославии враждебными государствами) прямую военную помощь Югославии СССР оказать бы не смог, даже если бы и захотел.

Характерно, что параллельно с этими переговорами, в тот же день 5 апреля югославское правительство сообщило немецкому послу в Белграде, что переговоры в Москве – результат кратковременного «возбуждения» после восстания, но против них был весь кабинет, который «хочет достичь взаимопонимания не с Москвой, а с Берлином»⁵¹. Новому правительству в Белграде стало уже ясно, к какой катастрофе близится вся страна.

Судя по тому, что Гаврилович заблаговременно эвакуировал свою семью, он также понимал, что ожидает Югославию. Тем не менее, Гаврилович упорно настаивал на первоначальной формулировке югославской стороны, пытаясь вовлечь в войну с Германией и СССР, наивно полагая, что Кремль будет обязан поступить в соответствии с подписанным договором. Поздно вечером 5 апреля 1941 г. посол СССР в Берлине Деканозов сообщил, что немецкое нападение на Югославию неизбежно. Сталин приказал срочно подписать договор во что бы то ни стало. Около полуночи Гавриловича разыскали на приеме у посла США и быстро объяснили ему ситуацию. Однако Гаврилович спокойно ответил, что де нет повода торопиться, и что ответ от югославской стороны поступит только утром. Но Вышинский не желал ждать и попросил Гавриловича срочно связаться с премьер-министром Югославии по телефону из здания королевского посольства и получить от него все необходимые инструкции⁵².

Между премьером Югославии и послом Югославии в Москве состоялся следующий телефонный разговор.

- « – Подпишите то, что вам предлагают русские, – сказал Симович.
- Не могу, генерал. Я знаю свои обязанности и что я должен делать.
- Вы должны подписать.
- Я не могу, генерал. Верьте мне.
- Подпишите, Гаврилович!
- Я знаю, что я делаю. Я не могу подписать этот документ.
- Ну ладно. Если вы хотите приказ, я тогда вам приказываю подписать!
- Я знаю, что делаю. Верьте мне».

После этого Гаврилович повесил трубку. Американский исследователь назвал этот диалог «странным и недипломатическим», израильский исследователь – «сюрреалистичным»⁵³.

Продолжение было еще более странным и сюрреалистичным. Это была уже беседа Гавриловича с Вышинским, очевидно слушавшим этот международный разговор. Сразу же, как только Гаврилович повесил трубку, в пустынном особняке югославского посольства вновь зазвонил телефон. «...Это был Вышинский.

- Вы приезжаете? – спросил он.
- Нет, сказал Гаврилович.
- Что!?
- Нет, сказал я, – говорю вам я не приезжаю.
- Но у вас приказ подписать; вы обязаны подписать!..

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

– Понимаю, но не буду подписывать. Не могу – моя рука отказывается это делать...

– Вы обязаны подписать. Вы это обязаны подписать сейчас же. У вас приказ от своего премьер министра.

– Я это не обязан подписывать. Мой премьер-министр может меня уволить или заменить на кого-то другого, но пока я здесь, я в таком виде это не подпишу...»⁵⁴.

В контексте нашей работы не столь уж важно, что в конце концов Сталин все же смягчился и приказал изменить формулировку договора, который, впрочем, так никогда и не был ратифицирован и не вступил в законную силу. Ясно, что тогда этот договор не подписывался не ради спасения Югославии, ибо ей уже ничто не могло помочь после того, как организованный англичанами путч 27 марта бросил ее под колеса безжалостному бронированному катку вермахта. Речь тут шла о сложной дипломатической игре между СССР и Германией, но это тема для другого исследования...

В данном случае интересен сам стиль дипломатической деятельности Милана Гавриловича, взгляды королевского посла на субординацию и его подход к дипломатии вообще. Уверенность в собственной значимости и свободе выбора даже на государственной службе полностью проявились в этом крайнем случае. При этом наиболее показательным, что сам Гаврилович с гордостью вспоминал об этом эпизоде своей дипломатической службы и после окончания войны. Предметом особой гордости для него было то, что он осмелился противоречить всемогущему Сталину, которого и видел всего два раза в жизни. В первый раз в ходе вручения верительных грамот, а во второй раз – в злополучную ночь во время подписания договора, сразу же после «сюрреалистического» диалога. То, что Гаврилович детально вспоминал о ночи с 5 на 6 апреля свидетельствует, что его поведение не было результатом стресса и тяжелых обстоятельств, а характерным подходом к решению проблем. В ходе пребывания первого посольства Югославии в СССР было еще немало различных, пусть не столь заметных, но столь же характерных эпизодов. Подробности об этом хранят несколько объемистых коробок в Архиве Югославии, но к сожалению, их исследование выходит за рамки нашей работы.

Впрочем, и на примере самого первого посла Югославии в Москве Милана Гавриловича можно сделать вывод, что образ его мышления и поведения коренным образом отличался от модели поведения сталинских дипломатов. При этом проекции взаимного восприятия сотрудников советского НКВД и королевского МИД шли куда дальше и проецировались и на общую перцепцию партнеров в дипломатических контактах. Речь шла не об отдельном экстравагантном человеке, а о восприятии сталинской Москвой всего государственного организма королевской Югославии, который считал необходимым, чтобы в предгрозовые дни накануне войны, во время нахождения у власти антагонистических друг другу кабинетов Драгиши Цветковича и Душана Симовича Белград представлял опытный балканский политик и сюрреалистичный дипломат Милан Гаврилович.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Хотя до 1941 Сербия, а потом Югославия, являлась монархическим государством, со времени получения независимости Белград был не только местом, где располагалась небольшая резиденция сравнительно доступного массам монарха, но и разгорались активные, порой кровопролитные, политические баталии между партиями, управлявшими страной, и теми, кто прорывался к государственному штурвалу. Об этом феномене своеобразной «балканской демократии» см.: Человек на Балканах в эпоху кризисов и этнополитических столкновений XX в. СПб. 2002; Человек на Балканах. Государство и его институты. СПб. 2004; Человек на Балканах. Социокультурные измерения модернизации на Балканах. СПб., 2006; Русские о Сербии и сербах. СПб., 2006.

2. ИАБ, ф. BdS, д. G-169.

3. В методологических целях стоит разделить представителей партийных (Коминтерн и его спецслужбы – в лице Отдела международных связей и Спецотдела) и государственных (НКВД и государственные спецслужбы ОГПУ, НКВД) институтов. Первые, несомненно, имели своих представителей в СХС-Югославии чуть ли не с мо-

мента основания государства, вторые (деятельность которых в Югославии и является темой данной статьи) обратили пристальное внимание на Югославию лишь в тридцатых годах, в связи с очевидным изменением внешне- и внутривластной обстановки.

4. Судоплатов П. Разведка и Кремль. М., 1996, с.72—73, 106. Книга представляет собой мемуары генерал-лейтенанта П. Судоплатова (в тридцатые годы заместитель начальника Иностранного отдела НКВД), который курировал многие силовые операции и ликвидации.

5. См. подробнее: *Ермаков Н.А.* Неповторимый путь Л.Л. Линицкого // Очерки истории российской внешней разведки. Т. 3: 1933—1941 годы. М., 1997.

6. Там же... С. 123.

7. ИАБ, ф. BdS, д. D-275.

8. Например, И. Хариш, позднее руководитель диверсионного отделения ГШ партизанских отрядов Хорватии. См. подробнее: *Старинов И.Г.* Записки диверсанта. М., 1997.

9. ИАБ, ф. УГБ СП IV, д. 127. Л. 33—41.

10. О структуре Главного разведывательного управления Генерального Штаба см. подробнее: ГРУ, КГБ и другие. М., 1999, а также: *В. Кочик.* Советская военная разведка: структура и кадры / «Свободная мысль», 1998, № 5—8.

11. В заметках на полях хотелось бы обратить внимание читателя на описание судеб военнопленных генералов, среди которых упоминается и Самохин, в известном художественно-публицистическом романе: *Гагарин С.С.* Мясной Бор. М., 1991, С. 538.

12. *Лурье В.М., Кочик В.Я.* ГРУ: дела и люди. СПб.—М., 2002. С. 295—296.

13. Автор приносит искреннюю благодарность сыну Виктора Андреевича Плотникова – Валерию Викторовичу Орлову за предоставленную им информацию и документы о судьбе первого советского полпреда в Югославии Виктора Плотникова.

14. Очерки истории российской внешней разведки. Т. 3: 1933—1941 годы. М., 1997. С. 217.

15. См. подробнее: *Бармин В.А.* Советский Союз и Синьцзян 1918—1941 г. Барнаул, 1998; *Бармин В.А.* Синьцзян в советско-китайских отношениях 1941—1949 г. Барнаул, 1999; *Чубаров В.В.* Военные конфликты в Китае и позиция СССР (1927—1933) // Советская внешняя политика 1917—1945. Поиски новых подходов. М., 1992; *Полынин Ф.П.* Выполняя интернациональный долг // В небе Китая. 1937—1940. М., 1986.; *Linda Benson* The Ili Rebellion. The Moslem Challenge to Chinese Authority in Xinjiang 1944—1949. London, 1990.

16. 1941 год / Россия. XX век. Документы. В 2 книгах. М., 1998. Кн. 1. С. 15.

17. Внешняя политика СССР. Сборник документов. Том IV (1935—июнь 1941 г.). М., 1946. С. 514.

18. 1941 год / Россия. XX век. Документы. В 2 книгах. М., 1998. Кн. 1. С. 310—311.

19. Эту тему двойственности политики СССР в 1940—1941 гг. по отношению к Королевству Югославии достаточно давно разрабатывает в своих трудах Л.Я. Гибанский. См. одну из его последних статей в на эту тему в сборнике «Двести лет новой сербской государственности» (СПб., 2005). В более подробном варианте та же статья вышла в Тиране на английском языке. *Gibianskij L.* Yugoslavia in Context of the Balkan Policy of the Soviet Union at the Beginning of the Second World War, Acta Studia Albanica. 2 / 2005.

20. *Белов Н.* Я был адъютантом Гитлера. Смоленск, 2003. С. 328.

21. Югославия не должна была помогать Германии и Италии вооруженными силами, пропускать по своей территории их вооруженные силы для ведения боевых действий в третьих странах, Германия гарантировала территориальный суверенитет Югославии и обещала принять «во внимание интересы Югославии в отношении выхода в Эгейское море, что может быть осуществлено признанием ее суверенных прав на город и порт Салоники». *Смирнова Н.Д.* Балканская политика фашистской Италии. Очерк дипломатической истории (1936—1941). М., 1969. С. 241.

22. *Черчилль У.* Вторая мировая война. М., 1991. Кн. 2. С. 76.

23. Там же. С. 76.

24. Факт участия Секретной службы Великобритании в путче 27 марта 1941 года

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

давно не вызывает сомнения у большинства историков см: *Смирнова Н.Д.* ... С. 242; *David A. T. Stafford. Soe and British Involvement in the Belgrade Coup d'Etat of March 1941 Slavic Review. Vol. 36. No. 3 (Sep., 1977). Pp. 399—419* и др.

25. *Черчилль У.* ... Кн. 2, С. 84.

26. *M. Dilas. Memories of a Revolutionary. New York, 1973. S. 369—373. S. Vukmanović Tempo. Revolucija koja teče. Memoari. Knjl. S. 156.*

27. *Vujošević Ubavka. Prepiska (radiogrami) СК КПЈ - ИККИ / Vojnoistorijski glasnik. 1/3. 1992.* Профессор Вушевич обратила свое внимание на документы с июня 1940 по декабрь 1941.

28. Вспомним еще раз телеграмму Молотова Плотникову.

29. О путче 27 марта 1941 года и роли в нем левых партий см.: *David A. T. Stafford. Soe and British Involvement in the Belgrade Coup d'Etat of March 1941 Slavic Review. Vol. 36. No. 3 (Sep., 1977), Pp. 399—419.* Не только британцы, но и советские спецслужбы солидарны во мнении, что левые партии (в особенности «земледельцы») находились на содержании правительства Великобритании.

30. Фотокопия этого документа из личного дела В.А. Плотникова находится в семейном архиве Валерия Викторовича Орлова.

31. *Румянцев Н.М.* «Люди легендарного подвига». Саратов, 1968 г.

32. Герои Советского Союза: Краткий биографический словарь. Т. 1. М.: Воениз. 1987.

33. Об этих спорах см: *Јовановић Мирослав* О једном неспоразуму у нашој науци или ко је био В.Лебедев? / Зборник филозофског факултетау Серија А: Историјске науке. Књ. XVIII.

34. *Залесский К.А.* Империя Сталина. Биографический энциклопедический словарь. Москва. Вече. 2000; Дипломатический словарь в трех томах. М., 1984.

35. 1941 год / Россия. XX век. Документы. В 2 книгах. М., 1998. Кн. 1. 572, 736. Кн. 2. С. 24.

36. См. подробнее: *Ардашев А.Н., Федосеев С.Л.* Оружие специальное, необычное, экзотическое. Иллюстрированный справочник. М., 2003. С. 20—30.

37. См. подробнее: *В.П. Волков* «Курс самозащиты без оружия “самбо”. Учебное пособие для школ НКВД». М., 1940.

38. ИАБ, ф. BdS, д. B-76.

39. Перечисление лиц и примерные объемы выплат установлены английскими исследователями. *David A. T. Stafford. Soe and British Involvement in the Belgrade Coup d'Etat of March 1941 Slavic Review. Vol. 36, No. 3 (Sep., 1977); Јанковић М., Лалић В., Кнез Павле.* Истина о 27 марту. Београд, 2007. С. 62.

40. При этом сам М. Гаврилович в результате своего поведения в Москве и в эмиграции в годы войны уже не был включен в состав этих «временных попутчиков».

41. Документы Милана Гавриловича находятся в Гуверовском институте (Hoover Institution on War, Revolution, and Peace) *Milan Gavrilović papers, 1938—1979. Миодраг Јанковић, Вељко Лалић, Кнез Павле.* Истина о 27 марту. Београд, 2007. С. 33—35; *Хоптнер. Ј.* Југославија у кризи 1934—1941, New York—London, 1962. С. 249.

42. Изгубљена оставштина Бранка Лазаревића нађена је случајно. 2004. године у Херцег Новом. Овај цитат је наведен у «Дневнику једнога никога». *Branko Lazarević, Dnevnik jednoga nikoga. (26) General Simović i avijatičari junaci dana // «Danas». 10. septembar 2008.*

43. *Городецки Г.* Роковой самообман: Сталин и нападение Германии на Советский Союз. М., 2001. С. 167 // *Gabriel Gorodetsky Grand Delusion: Stalin and the German Invasion of Russia. Yale, 1999.* Этот израильский ученый провел исключительно объемное исследование, которое базируется на только на материалах западноевропейских и американских архивов, но и на материалах АВП РФ.

44. *Никола Б.Поповић.* Југословенско-совјетски односи у Другом светском рату. Београд, 1988. С. 259.

45. КРО – контрразведка, ИНО – разведка, ГУГБ – Главное управление государственной безопасности СССР.

46. *Судоплатов П.* Разведка и Кремль, М., 1996. С. 137. *Gašić Ranka, Beograd-ska politička i vojna elita u svetlu nemačkih i britanskih izvora pred Drugi svetski rat // Istorija 20 veka, 1/2006; Јанковић М., Лалић В., Кнез Павле.* Истина о 27 марту. Београд,

2007. С. 72.

47. Городецкий Г. Роковой самообман: Сталин и нападение Германии на Советский Союз. М., 2001. С. 168.

48. Хоптнер J. Југославија у кризи 1934—1941, New York—London, 1962. С. 288—290.

49. Миодрага Јанковића и Велька Лалића Кнез Павле. Истина о 27 марту. Београд, 2007. С. 16, 31.

50. Јовановић D. Ljudi, ljudi... medaljoni 46 umrlih savremenika. Београд, 1975. С. 162—263.

51. Городецкий (Городецкий Г. Роковой самообман: Сталин и нападение Германии на Советский Союз. М., 2001. С. 178.) приводит это высказывание официального Белграда со ссылкой на записи немецких дипломатов. DGFP. XII. P. 463. Фајне, немецкий поверенный в делах в Белграде – МИД Германии, 5 апр. 1941 г.

52. Городецкий Г. Роковой самообман: Сталин и нападение Германии на Советский Союз, М., 2001. С. 178.

53. Хоптнер J. Југославија у кризи 1934—1941. New York—London, 1962. С. 385—386, Городецкий Г. Роковой самообман: Сталин и нападение Германии на Советский Союз, М., 2001, с. 178.

54. Хоптнер J. Југославија у кризи 1934—1941. New York—London, 1962. С. 388.

Alexej Y. Timofeev Diplomacy by Russia, Diplomacy by Serbian. The First Soviet's Representatives in Belgrad, and the First Yugoslav's representatives in Moscow

USSR and the Kingdom of Yugoslavia didn't have any diplomatic relations till 1940 from the moment of their creation after the First World War. Belgrade has to change its anticomunist policy only after the fall of France and in 1940 the diplomatic relations were established. Comparing of Russian and Yugoslav diplomats' biographies and diplomatic activities is an adequate way to understand a role of subjective factor and mutual stereotypes in the further contacts between Moscow and Belgrade.

ИСТОРИЯ

Е.С. Сенявская*

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ О ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ: ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ В РОССИИ И НА ЗАПАДЕ

В статье рассматриваются причины, по которым Первая мировая война не оставила в исторической памяти россиян устойчивых героических символов и сама оказалась на периферии общественного сознания. Показано влияние идеологической и политической конъюнктуры на интерпретацию прошлого, роль властных элит в формировании целевых установок ретроспективной пропаганды. Сравниваются особенности освещения военных событий 1914—1918 гг. в отечественной и зарубежной художественной литературе.

* Сенявская Елена Спартаковна, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН, лауреат Государственной премии РФ, действительный член Академии военных наук.

Статья подготовлена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда. Проект № 08-01-00496а.